

Елена Бондаренко

Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект

Издавна словари составлялись не только профессиональными лексикографами, но и непрофессионалами, среди которых были носители разных форм существования языка, в том числе народных говоров. В деятельности наивных лексикографов-диалектоносителей реализуются метаязыковая рефлексия, касающаяся их говора, их видение «местного», «старинного», необычного. Авторские словари демонстрируют наивные подходы к описанию семантики слов, представления диалектоносителей о родственных связях слов, соотношении слов и вещей, системных отношениях в лексике и др. Составители таких словарей видят свою задачу в первую очередь в том, чтобы сохранить слово в культурной и личной памяти, выбрав при этом из всего объема лексики, находящегося в запасе у автора, именно тот пласт, который более всего нуждается в письменном закреплении. Трудности непрофессионального лексикографа могут быть связаны с атрибуцией известных ему слов в плане относительной хронологии, форм существования языка и т.д.

Елена Дмитриевна Бондаренко
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург
jelena.kazakowa@gmail.com

В рамках данной статьи анализируются 13 авторских словарей. Они описывают лексикон следующих групп говоров: архангель-

ских [ААД — Мороз 2010¹; МСУ — Березович 1997; Шутова 2009; ЛНЖ; ЭАУ], костромских [ВПК; ДСБ; НПД; НВД], челябинских [БПП], свердловских [ЛФВ — Востриков 1995], говоров ХМАО [Белобородов 2007], русских говоров Литвы [Венедиктов 2011]. Шесть из рассматриваемых словарей были переданы сотрудникам Топонимической экспедиции Уральского федерального университета во время полевой работы на Русском Севере и в Костромской области.

Следует отметить, что авторами «наивных» словарей чаще всего становятся деревенские жители, по роду своей деятельности с необходимостью имеющие дело с литературным языком и городской культурой: школьные учителя, владеющие как наивным, так и научным представлением о языке; библиотекари, которые нередко ходят (ездят) по всему кусту деревень (сельсовету, району) и выезжают за его пределы; журналисты и преподаватели, переехавшие из деревни в город, и т.д. Импульсом к созданию словаря может служить переезд из одной диалектной зоны в другую, проживание на контактной территории, где сталкиваются носители разных говоров или языков, наличие в семье носителей другого языкового идиома (муж / жена из другой области, уехавший в город ребенок и т.д.).

Результаты лексикографической деятельности диалектоносителей могут быть оформлены как: а) простой список (перечень) слов; б) собственно толковый словарь. Списки включают в среднем 30–50 слов, не являются композиционно выстроенными, в большинстве случаев предназначены для «внутреннего пользования» [ВПК; ЛНЖ; НПД; ЭАУ и др.]. Что касается собственно словарей, то объем их словников достигает нескольких сотен. Словари характеризуются наличием заглавия, выстроенной композицией, особыми принципами следования словарных статей [ААД; БПП; ЛФВ; МСУ и др.]. Граница между списком и словарем, разумеется, является условной.

Широкому читателю произведения лексикографов-диалектоносителей чаще всего становятся известны в публикациях, подготовленных лингвистами [МСУ — Березович 1997; ЛФВ — Востриков 1995; ААД — Мороз 2010]. Реже диалектоносители сами публикуют свои тексты [Белобородов 2007; БПП; Венедиктов 2011].

---

¹ При ссылках на словари, публикация которых подготовлена лингвистами, приводятся инициалы автора словаря и ссылка на описание публикации в библиографии; для словарей, опубликованных самими авторами, — только ссылка на публикацию; для неопубликованных словарей и перечней слов — только инициалы автора. Расшифровка инициалов, краткие сведения об авторах и словарях приводятся ниже, см. раздел «Словари и их составители».

В прагматическом плане значимы следующие параметры авторской лексикографической работы:

- функциональная установка составителя словаря;
- представления автора о предполагаемом адресате;
- социокультурный и языковой опыт лексикографа (уровень образования, владения другими формами существования языка и др.).

1. Функциональная установка наивных лексикографов

Словари диалектоносителей являются, по сути, реализацией стремления авторов противостоять экспансии литературного языка, желания отдать долг богатству и образности диалекта. Данная установка эксплицирована, в частности, в предисловии к одному из анализируемых словарей (словарю Б.П. Плаксына). Автор формулирует цель составления словаря следующим образом: «Мне хотелось значение и понятие слов прошлых веков соединить тонкой нитью времен с толкованием современного лексикона, то есть конца XX и начала XXI в., не углубляясь в дело изучения происхождения» [БПП].

«Интенция памяти» сформулирована в авторском определении жанра одного из словарей — **«словарь-воспоминание»**. В предисловии автор ставит вопрос: «Может быть, для хранения и воспроизведения родного слова, впитанного душой в детстве, существует *особый механизм памяти*, органически связанный с эмоциональной сферой сознания?» (курсив мой. — *Е.Б.*) [Белобородов 2007: 3]. В.К. Белобородов — журналист, родившийся в Сургуте. Уехав из родного города, автор осознал интерес к особенностям речи своих земляков. При этом он отнюдь не старается включить в свой словарь лексику, характеризующую речь именно жителей Сургута, отграничив ее от лексики других территорий. Напротив, в различных источниках (от Словаря говоров Русского Севера [СГРС] и произведений авторов-деревенщиков до собственных снов) он отыскивает слова и выражения, знакомые ему с детства и важные для него.

Своего рода «словарем-воспоминанием» является и словарь доктора филологических наук Г.К. Венедиктова — пример совмещения опыта профессионального и «наивного» лингвиста. Это небольшой идеографический словарь говора деревни Уличелы Зарасайского уезда Литвы. В словаре представлена лексика, сохранившаяся в памяти автора с детских лет: «Некоторой уверенности в целесообразности приведения здесь нижеследующего материала придает мне и то обстоятельство, что я, наверно, единственный человек, причастный к славянской диалектологии, который в настоящее время может сообщить кое-

какие данные о лексике одного старожильского русского говора в Литве как его носитель в детстве, а не со слов других лиц» [Венедиктов 2011: 85].

Иным образом происходит отбор лексики и ее подача в «традиционных» словарях диалектоносителей — **списках «старинных слов»**, записываемых на память. На создание такого рода словарей авторов может «вдохновить», в частности, беседа с лингвистами-собираателями диалектной лексики (стимул создает сама установка на разговор о «старинных» словах, вопросы собирателей: «Как раньше называли...», «Как в старину говорили...» и т.д.). Соответствующим образом формируется словник таких словарей: лексикограф отбирает из аморфной лексической массы, окружающей его в течение жизни, «свои» слова.

Такая ориентация авторов на противопоставление своего говора какому-либо другому идиому с необходимостью требует «остранения» от собственного языка, попытки посмотреть на него другими глазами (носителя литературного языка или другого диалекта). Выбор же пути «остранения» приводит к тому или иному решению наивных лексикографов в отношении принципов построения словаря.

В случае **словариков-«шпаргалок»**, когда местные слова пишутся диалектоносителями просто «для памяти» или по просьбе собирателей диалектной лексики, наиболее значимым является параметр *старинности*, составители исходят из оппозиции *«местное = старинное» / «городское = новое»*. В словарь попадают слова, относящиеся по преимуществу к лексике бытовой сферы и обозначающие «старинные» реалии деревенской жизни: названия традиционной одежды, обуви, посуды, мебели, инструментов, пищи, частей дома и т.д. (поэтому слова типа *блюдо, сундук, ларь, прялка, похлебка* осознаются как местные). Бытовая лексика воспринимается как маркированная в силу социальных причин: диалектоноситель осознает свой быт как отличный от быта «типичного» носителя литературного языка. При этом авторы недифференцированно приводят как широкоупотребительные диалектизмы (*вехоть, куть, куделя, рукотерник, кошуля, ступни* и т.д.) или слова, вошедшие в литературный язык (*кадка, ушат, половник, короб, светец*), так и диалектизмы, имеющие более узкое употребление (*палагушки* ‘чашки’¹, *осколубки* ‘щепки’, *ровга* (вышла) ‘промерзлый слой почвы’ [ААД — Мороз 2010: 21]). В качестве «абсолютно старинной» в словари может попадать лексика фольклорных текстов (*шелом, рать, долонь, полон* [ДСБ]).

---

¹ Здесь и далее дефиниции (цитирующие изучаемые нами словари) приводятся только для диалектных слов узкого употребления.

К параметру старинности в отборе лексики может быть добавлен параметр экспрессивности, ср. *разфуфырилась* ‘нарядилась’ [ЛФВ — Востриков 1995: 109], *недоделок* ‘недоразвитый’ [Там же: 109], *бахвал*, *гонники*, *злыдни*, *голосила*, *ревела*, *не ной* [ЛНЖ] и др. В этом случае противопоставление идиомов (литературный язык — просторечие — диалект) снимается, основным становится параметр наличия / отсутствия экспрессивно-оценочной окраски слова.

Специфичны параметры отбора лексики в словарях, авторы которых отталкиваются от оппозиции «местное» / «неместное». В подобных случаях усиливается рефлексия авторов, касающаяся междиалектной синонимии. Показателен в этом плане словарь В.П. Криулиной. Она составляла список «старых слов в обиходе крестьян Боговаровского края» вместе с мужем А.Н. Бадиным. Валентина Петровна родом из Забегаевского сельсовета Октябрьского района Костромской области, а ее муж родом из Соловецкого сельсовета, находящегося на северо-восточной окраине Октябрьского района, на границе с Кировской областью. По мнению жителей центральной части района (с. Боговарово и округи), Соловецкий сельсовет — это уже *Вятка*, и живущие там люди говорят *по-вятски*. Соответственно, в семье В.П. Криулиной активно осмысляются междиалектные различия *вятчан* и *вохмяков* (жителей бассейна р. Вохма), а в свой словарь В.П. Криулина помещает оба известных ей обозначения реалии (*шаньги* и *колобы*, ‘вид выпечки’, *бахары* и *ступни* ‘вид лаптей’ и др.). В устных комментариях к словарю Валентина Петровна отмечала, какое из слов является *вятским*, а какое — местным.

Стратегию ценностно-исторического отбора лексики выбирают авторы словарей, которые можно было бы определить как «**словари-энциклопедии**» (Б.П. Плаксин и Н.Ф. Шутова). Эти лексикографы не ориентируются на противопоставление своего говора какому-либо другому идиому (литературному языку или другому диалекту), а скорее комплексно представляют личный языковой опыт, стараясь через него дать общую картину истории и повседневной жизни своей местности. Так, в словарь Б.П. Плаксина [БПП] наряду с диалектной лексикой и фразеологией попали советизмы (*семилинейка*, *пятилинейка*), церковная лексика (*канон*, *канонарх*, *катавасия*), а также прецедентные имена (*Иродиана*, *Златоуст*) и выражения («*живо*, *живехонько*, *живей* — выражение, после Отечественной войны 1812 года вошедшее во французский язык») — лексика из всех пластов идиолекта автора, которая, по его мнению, представляет ту или иную культурно-историческую ценность.

2. Социокультурный и языковой уровень лексикографа

На особенности квалификации слов как местных, а также на характер дефиниции и способ подачи слова в словаре могут влиять уровень образования автора, частота «соприкосновения» лексикографа с городской средой, жизненные обстоятельства, обусловившие количество идиомов, знакомых автору, и др.

Например, в словаре, составленном жительницей Октябрьского района Костромской области Э.А. Успаских [ЭАУ], которая, по-видимому, знакома с научной лексикографической традицией и отчасти ориентируется на нее, заглавные слова в основном стоят в начальной форме (*баять* ‘говорить’, *хаять* ‘ругать’); даются подробные описательные дефиниции (*кузов* ‘плетеный короб типа рюкзака для ягод, грибов’, *санник* ‘помещение рядом с домом под крышей для хранения дров’ и др.).

При этом, однако, сама подборка слов нередко становится слишком «научной» — слова, представленные в такого рода словарях, по большей части относятся к литературному языку (ср. *лохань*, *рукомойник*, *кадка*, *доха*, *чадо* и др. [ЭАУ]), а выбор «местных слов» приобретает скорее этнографический, нежели диалектологический характер. Показательны некоторые этнографические подробности в дефинициях словаря Э.А. Успаских, ср.: «*братынь* — деревянная посуда наподобие продолговатого ковшика для кваса, пива, на праздниках пили пиво из одной братыни по кругу».

В словарях, не имеющих специальной ориентации на научную традицию, авторы, не обладающие квалификацией лексикографов, в качестве заглавных единиц могут помещать фразеологизмы, устойчивые формулы и речевые клише, ср.: *с панталыги не сбивай* ‘не своди с ума’ [НВД]; *сном дела не знаю* ‘оклеветали’ [ЛФВ — Востриков 1995: 110]; *у них одни ряски* ‘одни тряпки’ [ЛНЖ].

Заглавное слово может быть подано не в начальной, а в типовой форме употребления: например, глаголы не в форме инфинитива, а в «наиболее популярной» личной форме, ср. в словаре Нины Васильевны Долматовой [НВД]: *зашеборшит* ‘заругается’, *хохмит* ‘наговаривает’, *чую* ‘слышу’, *брешешь* ‘болтаешь’, *взбеленилась* ‘рассердилась’, *сваргань* ‘сделай, сочини».

Наконец, словарные статьи могут располагаться не в алфавитном порядке, а по так называемым «ситуативным группам»: *лонись* ‘прошлый год’, *стужа* ‘холод’, *падера* ‘вьюга’, *дровни* ‘сани’, *бает* ‘говорит’, *пособи* ‘помоги’, *молвила* ‘сказала’, *шипко* ‘очень’, *ухамазгалась* ‘устала’ [ЛНЖ]. Последовательность слов как бы описывает ситуацию тяжелого труда.

3. Ориентация автора на читателя

Представления автора об «идеальном читателе» определяют выбор оппозиции, в рамках которой лексикографы осознают свой говор и тот идиом, которым пользуются читатели словаря. При этом чаще всего родной говор противопоставляется литературному языку (читатель — горожанин), но параметры литературного языка у каждого лексикографа отличаются. Собственно «читательской» зоной является зона дефиниции, так как предполагается, что в ней лексикограф «переводит» слова своего языка на язык читателя. Соответственно, зона дефиниции дает нам наилучшее представление о том, каким видит автор язык своего читателя. Ср., например, случаи «диахронической» синонимии в словаре Л.Ф. Ваулиной: *кабак* ‘сентроспирт’, *урядник* ‘милиционер’, *волось* ‘сельский совет’ и др. [Востриков 1995: 102]. Лексикограф в данном случае старается дать не просто перевод слов, а скорее «перевод реалий» с устаревших, ушедших из жизни и предположительно незнакомых читателю на современные. Следует отметить примеры «неудачной» (с позиций носителей литературного языка) заботы о читателе: автор может толковать диалектные слова через диалектные или устаревшие, ср.: *прихехе* ‘дроля’ [МСУ — Березович 1997: 135], *кондырится* ‘величается’ [ЛФВ — Востриков 1995: 105], *на базулились* ‘на вадились’ [Там же: 108]. Нередко также встречаются случаи, когда через литературный синоним или гипероним толкуются и без того известные «городскому» читателю слова литературного языка, ср.: *намедни* ‘недавно’, *угомонился* ‘успокоился’ [НВД], *онуча* ‘портянка’, *лавка* ‘скамейка’ [ВПК] и др.

Ориентация на коммуникативный акт, свойственная составителям любительских диалектных словарей, отражается в различных зонах словарной статьи: в выборе формы заглавного слова, «ситуативном» порядке следования словарных статей, подборе к словам «ситуативных» синонимов или антонимов (ср.: *ведро* ‘хорошая погода’ // *няша* ‘жидкая грязь’, *отвальню* ‘угощение на проводах (в армию)’ // *привально* ‘угощение при возвращении’ [Востриков 1995]). В создании дефиниции авторы словарей также нередко ориентируются на коммуникативную ситуацию, что проявляется разными способами.

1. Приведение контекста, в который помещается толкуемое слово (это, очевидно, характерно и для научной лексикографической традиции). Ср.: *дотыкались* ‘обращались’: «Доткнешься еще» ‘еще будет возможность обратиться’ [Шутова 2009: 10]; *потратился* ‘сгнил’: «Потратился урожаем чеснока» [Там же: 26]; *без году неделя* ‘совсем недавно’: «В бригаде без году неделя, а уже стариков учит» [Белобородов 2007: 18]; *остуда* ‘неприятность’: «Одна остуда лучше двух» [ААД — Мороз 2010: 21].

При этом контекст может выступать в качестве как иллюстрации (примеры, приведенные выше), так и самой дефиниции (или ее части), ср.: *охапка*: «несу охапку дров» [НВД]; *игровая*: «Кошка игровая» 'любит поиграть' [Шутова 2009: 13]. Внутри дефиниции может приводиться «литературный перевод» всего контекста, в который помещено описываемое слово, ср.: *налупила* 'набила, «налупила вицей», набила ивовым прутом» [Там же: 18].

2. «Коммуникативное» толкование. Слово (выражение) трактуется путем описания его функций в рамках коммуникативной ситуации, в толкование включаются интенции говорящего, ср.: *я те ужю* 'грозится' [ЛФВ — Востриков 1995: 106]; *тысинка* 'нежно-ласкательное слово к ребенку' [Шутова 2009: 33]; *мохоря* 'слово, характеризующее смешного человека' [МСУ — Березович 1997: 133].

Очевидно, что ориентация автора на адресата может быть связана с представлениями составителя о возможной аудитории, на которую нацелен его словарь, а именно:

а) на самого себя и свое сообщество: запись слов для памяти (словарики-«шпаргалки»);

б) на собирателей диалекта: текст строится с ориентацией на «городских» и в соответствии с представлениями наивных лексикографов о нормах литературного языка (словарики, составленные по просьбе собирателей диалекта);

в) на научное сообщество: авторские интенции связаны с попыткой объяснения диалектных слов, по мнению автора, являющихся в научном сообществе в некоторой степени «фантомами» (то есть слов, словарное описание которых оказывается весьма далеким от особенностей их реального употребления в речи диалектоносителей), путем обращения к собственному опыту наивного носителя (словарь Г.К. Венедиктова [Венедиктов 2011]);

г) на «широкую аудиторию»: авторы стараются максимально подробно представить через слово жизнь определенной местности, стремясь тем самым сохранить ее культуру в памяти людей (словари Н.Ф. Шутовой и Б.П. Плаксина, составленные с целью публикации [БПП; Шутова 2009]).

Итак, наивная лексикография характеризуется гораздо более тесной связью автора с читателем и значительно более яркой прагматической установкой автора, чем научная объективированная традиция. Опыт составления словаря для диалектоносителя — это в первую очередь лично мотивированная попытка вычислить «свой» лексический фонд как отражение

своего жизненного опыта и своих ценностных установок и познакомить с ним потенциальных читателей. Таким образом, в сознании наивного лексикографа неизменно присутствует установка на направленный контакт с читателем, передачу своего знания о традиции и жизни «отцов». При этом выбирается социализированная форма передачи опыта: внешне обезличенная (автора как бы нет), а в действительности — чрезвычайно обусловленная индивидуальностью лексикографа.

Словари и их составители

ААД — *Александра Алексеевна Дьяченко*. Жительница с. Ухта Каргопольского района Архангельской области. Училась в Каргополе, несколько лет работала учителем в Карпогорском (ныне Пинежском) районе Архангельской области. Некоторое время посылала в газету «Каргополье» списки местных слов; позже она познакомилась со словарем Н.Ф. Анина, преподавателя Каргопольского ПТУ. Словарь А.А. Дьяченко скопировали участники экспедиции РГГУ в 2010 г. А.Б. Мороз подготовил словарь к печати и опубликовал его [Мороз 2010]. Объем словаря — около 180 слов.

Белобородов 2007 — *Валерий Константинович Белобородов*. Родом из г. Сургута Ханты-Мансийского автономного округа, журналист. Основатель и первый редактор ежемесячного журнала «Югра». Словарь написан как попытка восстановить по памяти сургутскую речь того времени, когда там жил автор: «Первым и главным источником словаря остается память его собирателя, из него словарь пополнялся до самого последнего времени» [Белобородов 2007: 6].

БПП — *Борис Петрович Плаксин*. Житель г. Бакала Челябинской области, плотник, кулинар, певец и футболист. Старается «собрать редко употребительные и напротив уже привычные для слуха слова, но звучащие с акцентом, резко отличающимся от современного языка». Примерный объем словаря — порядка 4000 слов. Словарь подготовлен к печати самим автором. В редактировании словаря принимала участие проф. Уральского федерального университета М.Э. Рут. Словарь пока не опубликован.

Венедиктов 2011 — *Григорий Куприянович Венедиктов*. Родом из д. Уличела Зарасайского уезда Литвы, в которой проживало русскоязычное население, потомки староверов, переселившихся в Литву из Северо-Западного региона России. Во время Великой Отечественной войны оказался в с. Сакмара Оренбургской области, после окончания войны учился в Вильнюсе, затем в Ленинграде. Лингвист, славист, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. По жанру это идеографический словарь «незабытой лексики далекого прошлого» [Венедиктов 2011]. Объем — около 190 лексем.

- ВПК — *Валентина Петровна Кriuлина*. Жительница с. Боговарово Октябрьского района Костромской области (родом из Новинского сельсовета того же района). Словарь передан участникам Топонимической экспедиции Уральского государственного университета в феврале 2011 г. Объем словаря — 50 слов. Словарь не опубликован, существует только в рукописном варианте.
- ДСБ — словарь, составленный библиотекарями с. Боговарово Октябрьского района Костромской области, представляет собой тетрадь, озаглавленную «Диалектные слова (жителей Боговаровского края)», объем — порядка 90 слов. Словарь скопирован участниками Топонимической экспедиции Уральского федерального университета в феврале 2011 г.
- ЛНЖ — *Людмила Николаевна Жданова*. Жительница с. Тохта Ленского района Архангельской области. Долгое время жила в Архангельске. Словарь составлялся по просьбе участников Топонимической экспедиции Уральского государственного университета в августе 2008 г. В словаре зафиксировано порядка 40 языковых фактов. Словарь не опубликован, существует только в рукописном варианте.
- ЛФВ — *Людмила Федоровна Ваулина*. Жительница с. Измоденово Белоярского района Свердловской области, исполнительница фольклорных песен. Людмила Федоровна назвала свой словарь «Сбор и перевод старинных слов». В словаре представлена сплошная нумерация, заканчивающаяся номером 977, однако «реальных» слов, исключая повторы, в словаре около 700. Словарь передан сотрудникам фольклорной экспедиции под руководством В.Н. Теплова и в настоящее время хранится в фондах Свердловского областного дома фольклора. К публикации словарь подготовил и опубликовал его О.В. Востриков [Востриков 1995].
- МСУ — *Мелина Семеновна Устинова*. Жительница д. Летняя Золотица Приморского района Архангельской области, библиотекарь. Словарь Мелины Семеновны в первой редакции насчитывает 307 языковых фактов (291 слово и 16 идиом). Он был передан автором сотрудникам Топонимической экспедиции Уральского государственного университета в августе 1993 г. Е.Л. Березович подготовила словарь к публикации, написала к нему вводную статью и опубликовала его [Березович 1997]; затем М.С. Устинова прислала новые материалы, и через шесть лет была опубликована более полная версия [Березович 2003].
- НВД — *Нина Васильевна Долматова*. Родом из д. Безводное Октябрьского района Костромской области, позже переехала в другой сельсовет того же района (с. Боговарово). Словарь передан участникам Топонимической экспедиции Уральского федерального университета в феврале 2011 г. Объем — порядка 50 слов. Словарь не опубликован.
- НПД — *Николай Петрович Девятериков*. Житель с. Соловецкое Октябрьского района Костромской области (северо-восточная часть района, на границе с Кировской областью). Окончил

Библиотечный институт в Омске, вернулся на малую родину, работал библиотекарем в с. Соловецкое. Собрал библиотечный фонд в 22 000 единиц, организовал детскую библиотеку. Готовит к печати книгу об истории родного села. Словарь — результат размышлений автора над различиями говоров Омской, Костромской и Кировской областей, *Вятки* (с. Соловецкое костромичи считают уже *Вяткой*, а его жителей — *вятчанами*). Сравнивая говоры, автор фиксирует то, что, по его мнению, является именно соловецким. Словарь передан участникам Топонимической экспедиции Уральского федерального университета в феврале 2011 г. Объем — около 40 слов. Словарь не опубликован.

Шутова 2009 — *Надежда Федоровна Шутова*. Уроженка д. Воропыгинская (Сивчуга) Вельского района Архангельской области, фельдшер. Любовь к народному слову Надежде Федоровне привили бабушка, мама и тетья. «Они разговаривали, не зная грамматики русского языка, а так, как говорили их предки. Пословицы, поговорки, приметы погоды, быта — передавали народную мудрость из поколения в поколения». «Словарь говоров Лиходеевских деревень» опубликован в Вельске в 2009 г.¹ [Шутова 2009].

ЭАУ — *Эвелина Алексеевна Успаских*. Жительница с. Яренск Ленского района Архангельской области. Составляла словарь самостоятельно, «для себя» и «для памяти». Словарь передан участникам Топонимической экспедиции Уральского государственного университета в августе 2008 г. Объем — около 50 языковых фактов (лексемы, поговорки). Словарь не опубликован.

Библиография

- [Белобородов] Слово за слово: особенности речи сургутян в 1940—1950-е гг.: Словарь-воспоминание / Сост. и вступ. ст. В.К. Белобородова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007.
- Березович Е.Л.* М.С. Устинова как языковая личность (к публикации авторского диалектного словаря) // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1995—1996. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 128—137.
- Березович Е.Л.* Диалектный словарь М.С. Устиновой (лексика диалекта глазами диалектоносителя) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М.: Изд-во МГУ, 2003. Вып. 2. С. 267—277.
- Венедиктов Г.К.* Незабываемая лексика из далекого детства // Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию А.Ф. Журавлева. М.: Индрик, 2011. С. 61—73.
- Востриков О.В.* «Сбор и перевод старинных слов» Л.Ф. Ваулиной — опыт диалектного авторского словаря // Ежегодник Научно-

¹ Выражаю искреннюю благодарность А.Б. Морозу, который познакомил меня со словарем Н.Ф. Шутовой и передал его копию.

исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. С. 101–110.

Мороз А.Б. «Старинные слова» в школьной тетрадке // Живая старина. 2010. № 1. С. 19–21.

[СГРС] Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

Шутова Н.Ф. Словарь говоров Лиходеевских деревень. Вельск: Вельти, 2009.